

условия формирования военно-профессиональных компетенций курсантов военных образовательных организаций высшего образования на занятиях по средствам свя-

зи и автоматизации / М. П. Стародубцев, И. И. Бабич // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 10 (140). – С. 172–175.

* * *

ZASKALKIN EVGENY BORISOVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

MIROMANOV DMITRY VLADIMIROVICH

Associate Professor of the Department of Computing Machines, Complexes, Systems and Networks
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

TRINOGIN VITALY VLADIMIROVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

ORGANIZATION OF A PEDAGOGICAL EXPERIMENT IN ESTIMATING THE EFFICIENCY OF THE FORMATION PROCESS IT COMPETENCE OF GRADUATES OF VOOVO ROSGVARDIA

Abstract. The article is devoted to the issues of organizing and conducting a pilot experiment to assess the degree of effectiveness of the process of forming relevant IT competencies among graduates – specialists of informatization of the faculty (communications) of the Perm Military Institute Rosgvardia. The paper outlines the organizational and theoretical aspects of the content and structure of experimental research work to assess the level of formation of IT competence of graduates of VOOVO Rosgvardia, as well as the degree of relevance of the IT competencies acquired by them in the process of training.

Keywords: information competence, current competencies, structure of information competence, characteristics of the levels of IT competence, learning process, informatization of education, graduate of VOOVO, professional activity of an officer.

* * *

УДК 343.140.02

МУФАЗДАЛОВ САЛАВАТ ИБРАГИМОВИЧ

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ПРОНИН КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УБЕДИТЕЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье исследуются критерии определения убедительности заключения эксперта в процессе доказывания по уголовным делам. Авторы приходят к выводу о том, что требование об отсутствии и даже недопустимости доказательств, в частности заключения эксперта, заранее установленной силы, в том виде, в котором оно изло-

жено в ч. 2 ст. 17 УПК РФ, противоречит объективной природе формирования внутреннего убеждения.

Ключевые слова: заключение эксперта, убедительность, критерии, доказывание, доказательство, судебная экспертиза, коэффициент убедительности.

Влияние того или иного доказательства на формирование внутреннего убеждения определяется его «убедительностью» для субъекта доказывания – индивидуальной (субъективной) психологической характеристикой, определяющей степень доверия к тому или иному доказательству и его значимость для субъекта доказывания. Убедительность одного и того же доказательства может иметь существенно разное значение для двух разных субъектов доказывания. Следовательно, убедительность доказательства является не характеристикой самого доказательства, а субъективной характеристикой личности лица, оценивающего доказательство. Степень убедительности того или иного доказательства для конкретного лица складывается под влиянием практики, т. е. его профессионального и житейского опыта. Приступая к оценке доказательств, субъект доказывания уже имеет определенную матрицу «коэффициентов доверия» и «коэффициентов значимости», и каждое доказательство вносит свой вклад в формирование его внутреннего убеждения с учетом значения этих коэффициентов.

По мнению Д. С. Чукина, именно внутреннее убеждение субъекта является ключевым при анализе действий, решений, или предмета, в отношении которого не существует императивных, строго определенных критериев оценки [1, с. 12].

Таким образом, требование об отсутствии, более того, недопустимости у доказательств заранее установленной силы, в том виде, в котором оно изложено в ч. 2 ст. 17 УПК РФ, противоречит объективной природе формирования внутреннего убеждения. На наш взгляд, данное правило должно содержать запрет только на нормативное закрепление «веса» того или иного вида доказательств, т.е. на установление системы формальных доказательств, когда субъект оценки доказательств превращается в обычный арифмометр для сложения и сравнения целых и дробных чисел.

И здесь нельзя не вспомнить о так называемых «фактических презумпциях»,

под которыми понимаются «обычно наблюдаемые опытные обобщения, так бывает, как правило, в схожих, типичных ситуациях» [2, с. 30]. В качестве яркого примера такой «внеправовой» убедительности можно привести отношение следователей, государственных обвинителей и судей к заключению эксперта. Как отмечает В. В. Конин, заключение эксперта зачастую расценивается ими как наиболее убедительное, бесспорное доказательство в силу того, что исходит от лица, обладающего специальными знаниями в конкретной научной отрасли, в технике, каком-либо ремесле или искусстве, которыми, как правило, не располагает сторона обвинения, а также суд [3, с. 16].

В теории уголовного процесса сформировалось достаточно негативное отношение к рассматриваемому правовому феномену. Как подчеркивает Г. А. Печников, «презумпция всегда стремится предварить, предвосхитить выводы исследования» [2, с. 30]. Однако употребление термина «презумпция» в данном случае вряд ли уместно. Презумпция представляет собой незыблемое правило, которым надлежит руководствоваться неукоснительно. Фактическая же презумпция, представляющая собой, по сути, начальную матрицу с коэффициентами доверия и значимости, под влиянием практики, конкретных обстоятельств, может претерпевать значительные изменения. Причем не только посредством изменения значений тех или иных коэффициентов. В ходе расследования уголовного дела будет изменяться ее размерность.

Коэффициент доверия к заключению эксперта становится вложенной матрицей, состоящей из таких элементов, как «коэффициент доверия к заключению эксперта А», «коэффициент доверия к заключению эксперта В», «коэффициент доверия к заключению комиссионной судебной экспертизе», «коэффициент доверия к заключению комплексной судебной экспертизе N-го экспертного учреждения» и т. д.

Говоря о доверии к заключению эксперта, нельзя не упомянуть о понятии «ком-

петенция» эксперта. «Объективная компетенция эксперта» определяется как, необходимый для осуществления экспертной деятельности по определенному кругу вопросов, объем, комплекс знаний, навыков и умений в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода, вида [3]. Понятие «субъективной компетенции эксперта» включает индивидуальный уровень, степень владения вышеуказанным комплексом знаний конкретным экспертом, которая определяется не только наличием у рассматриваемого лица штатной должности, диплома об экспертном образовании, либо свидетельства на право производства конкретного вида судебной экспертизы, а еще и организацией повышения квалификации кадров судебных экспертов в экспертном учреждении, высокой организацией труда, оснащением экспертного учреждения новейшими инструментальными средствами и, конечно, личным опытом эксперта. Исходя из этого, за рубежом достаточно давно отработана практика списочного отбора специалистов, которые могут быть привлечены в качестве судебных экспертов [3, с. 61].

Следует констатировать, что в большинстве случаев фактические презумпции носят рациональный характер, основываются на объективно существующих закономерностях. Однозначно негативное воздействие они оказывают только в том случае, если вместо матрицы переменных коэффициентов убедительности субъект доказывания начинает использовать матрицу с константными значениями, величина которых ни как не увязывается с конкретными обстоятельствами расследуемого уголовного дела, с правоприменительной практикой. Ни в коем случае нельзя абсолютизировать значимость фактических презумпций – по своей правовой природе они всегда носят лишь вероятностный характер. «Это предположение, основанное на вероятности», – подчеркивает Г. А. Печников [3, с. 30]. Слепое следование пусть и очень убедительному предположению, без его всесторонней и объективной проверки недопустимо. Иной подход означал бы «смещение математического и гносеологического понятия вероятности» [4, с. 87], игнорирование возможности существования уникального стечения обстоятельств. Как отмечает А. М. Ларин: «В математике и обслуживаемых ею отраслях знания вероятность – количественная сторона (мера) возможности события в

массовых явлениях. В гносеологии же вероятность – неполное проблематичное знание, объектом которого могут быть и массовые, и единичные события. Имея дело с большими совокупностями, теория вероятностей не принимает в расчет индивидуальные особенности каждого из них. В уголовном деле же решающее значение приобретают конкретные индивидуальные особенности отдельного факта, отдельного обстоятельства» [4, с. 87].

Наиболее ярким примером игнорирования вероятностной природы фактических презумпций является многовековая практика применения в доказывании простого житейского правила: невиновный, как правило, не станет изобличать самого себя. В результате возведения данного правила в абсолют фактическая презумпция, зачастую, подменялась презумпцией правовой. Признание обвиняемого нормативно закреплялось в качестве «царицы доказательств» [5, с. 44], приобретало характер необходимого и достаточного условия признания подсудимого виновным, что, в свою очередь, порождало многочисленные злоупотребления в ходе расследования. Тот факт, что российский законодатель счел необходимым включить в УПК РФ специальную норму (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), направленную на снижение «доказательственной силы» [6, с. 15] рассматриваемой фактической презумпции, свидетельствует о сохранении у правоприменителей неоправданно завышенного коэффициента убедительности в отношении признательных показаний обвиняемого (подозреваемого).

В ч. 1 ст. 88 УПК РФ названы четыре основных параметра, по которым осуществляется оценка доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность для принятия соответствующего процессуального решения. Но, несмотря на то, что данные параметры находят свое воплощение по каждому головному делу, уголовно-процессуальный закон не раскрывает содержания этих понятий. Нормативное определение и закрепление указанных категорий позволило бы следователю и суду более четко представлять себе критерии и подходить к вопросу собирания, проверки и оценки доказательств [7, с. 55].

Можно согласиться с утверждением ряда авторов о том, что убедительность доказательства напрямую связана с наличием возможности его проверки как «ручной»,

так и «компьютерной» (Н. В. Белякин, Е. М. Черепанов). Проверимость доказательства сводится к проверке правильности его формализации, т. е. его состоятельностью как доказательства. Поэтому критерий формализуемости отнесен к основным критериям убедительности доказательства. Правильность формализуемости доказательства, в свою очередь, зависит от его понимаемости, обзримости и простоты [8, с. 33].

Для заключения эксперта, как для «особого» вида доказательства, вышеуказанные критерии носят приоритетный характер, обусловленный той исключительной ролью, которую играет заключение эксперта в общей совокупности доказательств по любому уголовному делу.

При интервьюировании судей Кировского районного суда г. Саратова, а также при изучении архивных уголовных дел установлено, что при вынесении судебных решений судьи опирались на выводы заключения эксперта, как на единственный источник доказательств по рассматриваемому уголовному делу (например, по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков и др.).

Как известно, ст. 8 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» гласит, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов, на базе общепринятых научных и практических данных.

Одним из существенных факторов, влияющих на чрезвычайно высокую убедительность заключения эксперта, является его наглядность – как правило, каждое заключение сопровождается приложением в виде фототаблицы, которая позволяет облегчить восприятие текстовой информации.

Известно, что непосредственной образующей содержания любого заключения эксперта, является текстовое повествование, описывающее объекты, подлежащие исследованию, ход проведенного исследования и выявленные признаки, обосновывающие конечный вывод. Однако, в силу определенных обстоятельств, ни один текст не способен сформировать в сознании лица, знакомящегося с заключением эксперта, исчерпывающий образ исследуемого объекта и выявленных признаков, равно как и не может воссоздать до мелочей окружающую обстановку,

воспринимавшуюся на момент осмотра места происшествия. Это объясняется разными способностями мышления человека переводить словесно-логическую информацию в образную. Кроме того, разнятся способности и подходы экспертов в части описания объектов и хода проведенного исследования.

Исходя из вышесказанного, фотографическое сопровождение проведенного экспертного исследования приобретает особо важное значение, так как позволяет не только дополнить образ, формируемый после восприятия текстовой информации, но и подтвердить достоверность описываемых фактов.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос о предъявлении в качестве доказательств фотоизображений, изготовленных при помощи компьютерной техники. Если раньше сомнения в достоверности снимка, представленного в качестве доказательства, устранялись путем предъявления пленочного негатива по каждому конкретному фотоизображению, то на сегодняшний день, в связи с уходом от «мокрого процесса» получения фотоизображения и заменой его на цифровую фотографию, этот вопрос остается открытым. Исходя из этого, оценку проведенному экспертом заключению, а именно подтвердить факт достоверности представленного фотоизображения, может провести только сведущее лицо, обладающее специальными знаниями в области цифровой фотографии, фотомонтажа и владеющее на профессиональном уровне графическими редакторами обработки изображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чукин, Д. С. О пределах внутреннего убеждения командира при принятии решения по итогам разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка. «Право в Вооруженных Силах» / Д. С. Чукин. – 2018. – № 6. – С. 11–18.
2. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе / Г. А. Печников. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел России, 2010. – 311 с.
3. Конин, В. В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве / В. В. Конин // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 4. – С. 16–17.
4. Ларин, А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин. – Москва, 1982. – 87 с.

5. Петрухин, И. Л. Исторические типы уголовно-процессуального права // Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. И. Л. Петрухина. – Москва: Проспект, 2001. – 517 с.

6. Резник, Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г. М. Резник. – Москва, 1977. – 118 с.

7. Пилюгина, Н. Н. Оценка доказательств как элемент процесса доказывания / Н. Н. Пилюгина // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сборник научных трудов [в 2-х ч.]. – Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел России, 2005. – С. 53–58.

8. Белякин, Н. В. Об основных критериях убедительности доказательства / Н. В. Белякин, Е. М. Черепанов // Философия науки: проблемы логики и методологии науки. – 2010. – № 3(46). – С. 31–44.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 2009. – 21 января.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть 1). – Ст. 4921.

11. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 29.12.2020). – URL: www.base.garant.ru/70292624/ (дата обращения: 15.03.2021).

12. Арсеньев, В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в следственных и судебных актах / В. Д. Арсеньев // Вопросы теории судебной экспертизы: сборник научных трудов. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт судебных экспертиз, 1979. – Вып. 39.

13. Пронин, К. В. Заранее установленная сила фактических презумпций / К. В. Пронин // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: СГАП, 2011. – № 2 (78). – С. 183–184.

14. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – Москва, 2004. – 272 с.

15. Шнайдер, А. А. Теоретические основы судебной экспертизы: курс лекций. – Вып. 1: Правовые и организационные основы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / А. А. Шнайдер. – Саратов: Саратовский юридический институт Министерства внутренних дел России, 2002. – 136 с.

MUFAZDALOV SALAVAT IBRAGIMOVICH

Teacher of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

PRONIN KONSTANTIN VLADIMIROVICH

Candidate of Law, Associate Professor

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

CRITERIA OF DETERMINATION OF PERSUASIVENESS OF THE EXPERT OPINION IN THE COURSE OF PROOF ON CRIMINAL CASES

Abstract. In article criteria of determination of persuasiveness of the expert opinion in the course of proof on criminal cases are investigated. Authors come to a conclusion that the requirement about absence and even inadmissibility at proofs, in particular expert opinions, in advance established force in the form in which it is stated in ch.2 to Art. 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, contradicts the objective nature of formation of internal belief.

Keywords: expert opinion, persuasiveness, criteria, proof, proof, judicial examination, persuasiveness coefficient.
